

Глава 10

Вань Дунъян беспокоился не зря. Выслушав его рассказ, Лю Цишуан тут же ухватился за возможность и попросил у него цветов мушмулы, причём собрать их он был намерен немедленно.

То, о чём Лю Цишуан так долго не решался попросить, для семьи Вань оказалось сущим пустяком. Ему с лёгкостью разрешили, и он уже было собрался идти к дереву, но его удержали, настояв, чтобы он сперва позавтракал.

Лю Цишуан не хотел есть в чужом доме, чтобы не выглядеть попрошайкой, но семья Вань привела в довод его утреннюю работу, а сам Вань Дунъян добавил, что это компенсация за несправедливое обвинение. Так его и заставили остаться.

Завтраки в доме Вань были простыми: чаще всего либо лапша, либо вчерашний ужин, разогретый в большом котле с водой до состояния густого супа, к которому подавали несколько закусок. Этим утром ели как раз такой суп.

Но сегодня, видимо, кто-то отдал особое распоряжение, потому что Линь Цююэ приготовила ещё и яичницу. Края каждого кусочка были аппетитно-золотистыми, а насыщенный яичный аромат наполнял всю кухню. На тарелке высилась целая гора — штук десять, не меньше.

В крестьянских семьях за столом строгих правил не придерживались, особенно когда он не был заставлен яствами. Отец Вань не любил чинно сидеть на своём месте. Наполнив большую миску супом, он положил в неё два куса яичницы, добавил хрустящих маринованных овощей и вышел из кухни — ему нравилось есть на ступеньках крыльца.

Как только Лю Цишуан взял палочки, матушка Вань положила ему в миску кусок яичницы, сказав, что каждому полагается по два, и больше не обращала на него внимания. Семья принялась за еду, негромко обсуждая свои дела.

Лю Цишуан за всю свою жизнь ни разу не пробовал жареных яиц, лишь тайком варил их несколько раз. Он осторожно подцепил кусочек, откусил краешек с золотистой корочкой и, медленно прожевав, ощутил во рту насыщенный солёный вкус.

Как же вкусно.

Когда они с дедушкой готовили, то боялись положить лишнюю щепотку соли. Соль стоила дорого, одного мешочка должно было хватать на два месяца. Если он заканчивался раньше, мать поднимала крик и била его, обвиняя в расточительстве.

Хотя на самом деле соль тратила она сама. Он не раз видел, как мать сыпала её в таз с водой — неведомо для чего, — но виноватым всё равно выставляла его. Это было так обидно.

Завтрак не занял много времени. После еды Вань Дунъян и Лю Цишуан вышли из дома. Подойдя к дому своего второго брата, Вань Дунъян громко крикнул во двор, вызывая Вань Сяохуа. Он и не заметил, как при звуке его голоса стоявший рядом юноша невольно отступил на пару шагов.

Вань Дунъян, позвав племянницу, ждать не стал. Когда Вань Сяохуа выбежала за ворота, они оба уже были на дереве. Увидев, что они забрались на мушмулу, девочка надула губы, чувствуя себя обманутой.

Она-то думала, что её дядя и гээр из семьи Лю идут в горы. Но раз уж она выбежала, то возвращаться не стала — лазить по деревьям тоже было весело.

Забравшись на дерево, Лю Цишуан нахмурился. Цветов на ветках почти не осталось, зато повсюду виднелись маленькие зелёные плоды, покрытые белым пушком. Он не знал, сколько цветов нужно семье Цзян. Если этих не хватит, придётся, пользуясь тем, что родители думают, будто он работает у Вань, сбегать в горы.

Когда они втроём спустились, дно корзины Лю Цишуана было полностью покрыто цветами мушмулы. Поблагодарив дядю и племянницу, он поспешил в деревню. Вань Дунъян со вздохом проводил его взглядом, Вань Сяохуа со вздохом посмотрела на лес за домом, и они вместе пошли обратно.

В доме семьи Цзян.

Дедушка Цзян молча хмурился, а вот его старшая невестка высказалась прямо:

— Суй-гээр, в прошлый раз мой свёкор уже дал тебе два мешочка с травами. Ты же знаешь, у нас хоть и простые травы, но каждый мешочек стоит десять с лишним взней. А ты принёс такую малость и снова просишь лекарство. Нам тоже нелегко.

Лю Цишуан знал, что семья Цзян живёт в основном за счёт врачевания дедушки Цзяна. Он и сам не хотел обменивать одно лекарство на другое, а предпочёл бы заплатить медью, но денег у него никогда не водилось, и со временем он даже перестал пытаться их копить.

— Дедушка Цзян, скажите, сколько ещё нужно? Я схожу в горы и сегодня же принесу, — Лю Цишуан не смел смотреть на Ню Мэйюй и обращался только к старику.

Дедушка Цзян бросил на невестку короткий взгляд и, указав на корзину Лю Цишуана, сказал:

— Принеси ещё столько же.

— Хорошо, я принесу после полудня.

Когда Лю Цишуан вышел за ворота, он услышал, как в доме разгорелся спор — Нью Мэйюй упрекала свёкра. Краска стыда на его щеках стала ещё гуще, ему было невыносимо неловко.

Он ведь не получал лекарства даром. Хоть он и брал травы у Цзянов, но каждое лето и осень приносил дедушке Цзяну немало пинеллии и семян дурнишника. Он не знал цен на другие травы, но эти два вида в аптеках стоили недёшево.

Пинеллия продавалась по несколько сотен медных монет за цзинь, а семена дурнишника, хоть и были немного дешевле, всё равно стоили больше сотни.

Он мог бы сам продавать травы и на вырученные деньги покупать лекарства — это было бы проще и удобнее. Но его мать была слишком хитра. Стоило ему собраться в город, чтобы что-то продать, как она тут же увязывалась за ним. А если и не шла, то всё равно прикидывала примерную выручку, и денег он должен был принести домой больше, а не меньше. Если сумма не сходилась, его ждала порка. Так что скопить хоть что-то было невозможно.

После нескольких побоев, так и не сумев сберечь ни одной монеты, он перестал продавать травы и стал относить их прямо в дом Цзянов, чтобы в случае чего обменять на лекарство от головной боли или простуды для себя и дедушки.

Весенний ветер был наполнен ароматами. Он разносил по всей деревне запахи цветов из каждого уголка. Приближался третий месяц, плодовые деревья уже отцвели, и в воздухе всё больше пахло дикими цветами.

Выйдя из дома Цзянов, Лю Цишуан вдруг ощутил густой цветочный аромат. Повернув голову, он увидел Цзян Баоэр и нескольких других малышей, игравших в «дочки-матери». Их головы были усыпаны полевыми цветами, так что волос почти не было видно — они походили на маленьких цветочных фей.

Дети — они такие: беззаботные, счастливые, невинные. Вот бы ему навсегда остаться маленьким.

«Нет, я уже вырос. Тогда пусть я вырасту ещё быстрее».

Покинув дом Цзянов, Лю Цишуан направился к окраине деревни. У ворот дома Вань он столкнулся с Вань Дунъяном и Вань Сяохуа, которые как раз собирались выходить. В руках у них были разные вещи.

Вань Сяохуа несла корзинку, а Вань Дунъян — плетённый короб за спиной. Кроме того, у обоих были инструменты: у девочки — маленькая мотыжка дюйма в два, а у её дяди — серп.

Гора за деревней Ваньцзяба была неоднородной. Та, что находилась прямо за деревней, почти сплошь поросла соснами, лишь изредка встречались кориария, литсея и лаковое дерево — их можно было не считать. В том лесу не росло ничего съедобного, только сосновые иглы да сорняки.

Если жители деревни хотели найти что-то в лесу, они либо шли к Южной горе через перевал за домом семьи Лю, либо сворачивали в горы на юго-восточном углу за домом семьи Вань и двигались в сторону старого дремучего леса, или же шли вверх по течению большого ручья, протекавшего рядом с домом Вань. В этих двух направлениях было много и диких плодов, и съедобных трав.

Они втроём пошли вверх по ручью. Дойдя до большой тропы, ведущей к старому лесу, Лю Цишуан невольно бросил взгляд в его сторону.

Он помнил, что где-то там находилась родная деревня его бабушки. Но дом её семьи был не в самом лесу, а на полпути, в горном ущелье.

Это ущелье называли Янцзягоу. Когда-то там кипела жизнь, но горные жители, подобно воде, всегда стремятся вниз. Постепенно семьи перебирались с гор, и лет десять назад там осталось всего несколько домов. А лет пять-шесть назад с гор спустился медведь и забрёл как раз в то ущелье.

Несколько человек тогда пали жертвой медведя. В те дни над Янцзягоу кружилась жёлтая поминальная бумага, и повсюду разносился неутрахающий плач женщин и детей.

Власти проявили милосердие. Чтобы обезопасить оставшихся жителей, их переселили в ближайшие деревни у подножия горы, выделили им пустоши для распашки полей и на пять лет освободили от подушной подати и налога на землю. Теперь эти семьи давно уже обосновались внизу, две из них жили в их деревне, и этот год был первым, когда они начали платить налоги.

С тех пор дедушка больше не ходил в Янцзягоу, а он больше не ел сладких плодов бинфэнь и желе из них.

— Ай! — Задумавшись, Лю Цишуан споткнулся. К счастью, он упал не в ручей, а на большой камень рядом, приземлившись прямо на пятую точку.

Вань Дунъян, видя, что тот всё ещё витает в облаках, тоже посмотрел в сторону деревни Чжушань и спросил с недоумением:

— На что ты так смотришь? Шею свернёшь, пока до деревни Чжушань доглядишь. Ты что, в Старый лес горных овощей собрался?

Старый лес горных овощей...

Лю Цишуан пришёл в себя, но тут же снова задумался. Он и вправду хотел попасть в тот лес, о котором говорил Вань Дунъян.

Старый лес горных овощей на самом деле был тем самым дремучим лесом. Но поскольку там росла одна очень вкусная и дорогая трава, жители деревни, ходившие туда в основном за ней, прозвали его так.

Если бы он смог насобирать этой травы, то даже за двадцать цзиней получил бы больше сотни монет. Сходив два-три раза, можно было бы заработать двести-триста монет. Тогда, даже если его побьют, он смог бы утаить пятьдесят-шестьдесят монет и купить дедушке в городе настоящее лекарство, а не эти бесполезные деревенские травки. И может быть, дедушка бы поправился.

Чем больше Лю Цишуан думал об этом, тем сильнее ему этого хотелось. Но он знал, что до сбора той травы ещё больше месяца. Возможно, если он сегодня отнесёт цветы мушмулы и возьмёт у Цзянов лекарство, дедушке и так станет лучше.

— Сиди уж.

Лю Цишуан пришёл в себя и услышал эти слова. Он подумал, что Вань Дунъян рассердился, но ошибся — тот, потянув за собой Вань Сяохуа, тоже сел.

Оказывается, это был привал, а не упрёк за то, что он задерживает всех.

У ручья, где они сидели, лежало множество больших белых камней, отполированных летними паводками. Сейчас в расщелинах между ними и вокруг росло много диких трав. Куда ни глянь — повсюду зелень, и даже ветер здесь пах свежей травой.

Лю Цишуан знал много трав. Он увидел, что у небольшого пруда, образовавшегося в низине, росло много водяного сельдерея — его тоже можно было есть. А в низине у пруда росла лапша-трава и марь белая. Эти травы были вкусными, без горечи и неприятного запаха, а наоборот, с каким-то особым ароматом, которого не было у огородных овощей.

— Здесь уже много съедобной травы, — сказал Лю Цишуан. Его целью сегодня была не она, поэтому он не собирался здесь задерживаться. Сказав это, он собрался встать, но Вань Дунъян, сидевший всего в шаге от него, положил руку ему на плечо и усадил обратно.

«...» — Лю Цишуан с недоумением и обидой посмотрел на него. Почему у этого Вань Дунъяна такая сила? Он всего лишь слегка нажал, а он тут же сел обратно, не в силах даже устоять на ногах.

Лю Цишуан на мгновение рассердился и расстроился, даже мысленно упрекнул небеса.

«Зачем небеса дают такую силу тому, кому она не нужна?»

Семья Вань живёт хорошо, все в семье друг к другу добры. Зачем Вань Дунъяну такая сила? Вот ему бы она пригодилась. Будь у него такая мощь, он бы давно уже поднял своего отчима и зашвырнул на крышу, и не пришлось бы жить в вечном страхе.

Но его обида и досада длились лишь мгновение, потому что тут же ему стало не до них.

Вань Дунъян достал то самое красивое пирожное и протянул ему и Вань Сяохуа.

<http://bllate.org/book/13415/1194069>